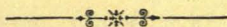

И. Мюленбахъ.

О ДЕБИТИВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1907 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XII (1907 г.), кн. 3-я, стр. 313 — 333.

О дебитивѣ.

Форма, извѣстная въ латышской грамматикѣ подъ названіемъ дебитива, образуется при помощи приставки *jā-* и является, по видимому, за исключеніемъ *jābūt*, всегда въ третьемъ лицѣ настоящаго времени: *man jārlaūj sēns*¹⁾, я долженъ скосить сѣно, *man bija sēns jārlaūj*, я долженъ былъ скосить сѣно, *man būs sēns jārlaūj*, я долженъ буду скосить сѣно, *man būtu sēns jārlaūj*, я долженъ былъ бы скосить сѣно. Какъ изъ приведенныхъ примѣровъ видно, дѣйствующее лицо, т. е. такъ называемое логическое подлежащее, ставится въ дательномъ падежѣ, а то, что слѣдуетъ кому нибудь сдѣлать, обыкновенно въ именительномъ, но въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ винительномъ падежѣ: *man jārlaūj sēnu* наравнѣ съ *sēns*.

Происхожденіе латышскаго дебитива до сихъ поръ еще не выяснено вполне. По мнѣнію Биленштейна (*Lett. Sprache* II, 167) форма дебитива не имѣетъ ничего общаго съ третьимъ лицомъ, но представляетъ собою чистую основу настоящаго вре-

1) Такъ какъ въ этой статьѣ большинство примѣровъ заимствовано изъ лифляндскихъ говоровъ, въ которыхъ встрѣчается тройкая долгота, поэтому я провелъ эту долготу по всѣмъ примѣрамъ, руководствуясь при обозначеніи долготы статьи П. Шмидта (Тройкая долгота въ латышскомъ языкѣ. Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. LXVII); ^ˉ =длительная, [˘] =нисходящая, ^ˆ =прерывистая долгота, ^{ˉˉ} =долгота вообще.

мени. Эндзелинь (R. K.¹) XIII, 2) справедливо опровергает это совсѣмъ неудачное толкованіе Биленштейна и старается, съ своей стороны, пролить свѣтъ на темный вопросъ о латышскомъ дебитивѣ. Исходною точкою объясненія для Эндзелина служить дебитивъ *jābūt*. Какъ *būt* въ дебитивѣ *jābūt* несомнѣнное неопредѣленное наклоненіе, такъ и у всѣхъ глаголовъ настоящею формою дебитива раньше служило неопредѣленное наклоненіе. Какъ въ литовскомъ и славянскихъ языкахъ, такъ и въ латышскомъ (ср. *Deldrūck Vergl. Syntax II*, 461) неопредѣленное наклоненіе съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ падежѣ обозначаетъ и возможность и долженствованіе, напр. *kū, māmiņa, man darīt?* что, маменька, мнѣ дѣлать; *šūdēn bij tev gulēt BV 1580* наравнѣ съ *jāgul*, сегодня ты долженъ былъ спать. Не приставка *jā-*, но сочетаніе самаго глагола съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ пад. обозначаетъ долженствованіе; поэтому нельзя считать приставку *jā*—за необходимый составъ дебитива (ср. рядомъ съ *tam jābūt* болѣе старинную форму *tam būt*, тому быть), но эта приставка первоначально имѣла лишь усилительное значеніе. Приставка *jā*—заимствована отъ нѣмецкаго языка, въ которомъ частица *jā* (*ja, jō*), стоя непосредственно передъ глаголомъ, служитъ усиленіемъ подтвержденія. Эта заимствованная усилительная частица *jā*, которая, какъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, первоначально присоединялась не только къ неопредѣленному наклоненію, но и къ другимъ формамъ глагола, срослась съ теченіемъ времени съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ въ одно слово, вслѣдствіе чего легко можно было забыть первоначальное значеніе сложнаго дебитива, и сознанію говорящихъ начало казаться, что долженствованіе обозначаетъ не форма глагола, а частица *jā-*. Но какъ только развилось такое сознаніе, то при глаголахъ не-

1) B. V.—*Latvju dainas, Barūna un Visendorfa izdūtas.*

Ltd. —*Latvėšu tautas dzėsmas drukā dūtas nū latv. draugū bėdrības.*

L. P.—*Latv. tautas pasakas sarakstījis Anss Lerchis-Puškaitis.*

R. K.—*Rīgaš Latv. Bėdr. Zinību Komisijas Rakstu krājums.*

тематическаго спряженія, неопредѣленное наклоненіе которыхъ совпадаетъ съ формою III лица, могли иногда форму дебитива (напр. *êt* въ *jâêt*) принимать за III лицо. По аналогіи глаголовъ не-тематическаго спряженія и въ тематическомъ спряженіи, въ которомъ III лицо формою отличается отъ неопредѣленнаго наклоненія, укоренилось въ послѣдствіи въ дебитивѣ III лицо вмѣсто неопредѣленнаго наклоненія.

Вотъ, вкратцѣ изложенное толкованіе Эндзелина о латышскомъ дебитивѣ. Согласиться съ нимъ по многимъ причинамъ я не могу. Во-первыхъ, предположенная Эндзелиномъ замѣна неопредѣленнаго наклоненія III лицомъ въ дебитивѣ основана на цѣломъ рядѣ недоразумѣній языка, и поэтому мнѣ кажется не очень убѣдительною. Во-вторыхъ, больше еще лишено вѣроятности на нашъ взглядъ предположеніе о заимствованіи приставки *jā-* въ столь употребительной глагольной формѣ. Хотя заимствование играетъ въ языкахъ весьма важную роль, но оно обыкновенно ограничивается отдѣльными словами, конструкціями, словорасположеніемъ; но чтобы заимствование играло рѣшающее значеніе при образованіи новыхъ глагольныхъ формъ, для подтвержденія такого мнѣнія, по крайней мѣрѣ въ латышскомъ языкѣ, я не нахожу ни одного аналогичнаго случая. Сверхъ того, не въ пользу заимствованія говоритъ и слогуудареніе на приставкѣ *jā-*, такъ какъ въ заимствованныхъ словахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ длительную долготу, между тѣмъ какъ приставка *jā-* въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ говорѣ которыхъ встрѣчается тройкая долгота, напр. въ Вольмарѣ, Смиленѣ, Альтъ-Пебалгѣ, имѣетъ нисходящую долготу, прерывистую же въ Курляндіи, гдѣ двоякое слогуудареніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Барбернѣ, длительную. Рядомъ съ приставкою *jā-* встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лифляндіи *ju-*; форма *ju-* по мнѣнію Эндзелина произошла изъ заимствованнаго нѣмецкаго *jō*; но почему *ju* имѣетъ короткое *u*, *ja* же долгое *a*, этого Эндзелинъ не объясняетъ. Не меньшимъ же препятствіемъ толкованія Эндзелина слѣдуетъ, въ-третьихъ, признать именительный падежъ при дебитивахъ: *jâed*

maize. Ссылаясь на Дельбрюка (Vergl. Synt. II, 461), Эндзелинъ утверждаетъ, что при употребленіи неопредѣленнаго склоненія въ качествѣ сказуемаго дополненіе могло искони ставиться въ именительномъ падежѣ. Однакожъ при неопредѣленномъ склоненіи, изъ котораго по мнѣнію Эндзелина произошелъ дебитивъ, мы въ латышскомъ языкѣ всегда встрѣчаемъ дополненіе въ винительномъ, а никогда не въ именительномъ падежѣ; *kū, māmiņa, man darīt?* В. V. 87. *Gudram taūtu dēliņam nūneimt manu vāipadziņu* В. V. 5524, 2, разумному жениху снять мой вѣнокъ. *Pazīt man brāļa māsu*, 1 вар. *Var pazīt*, В. V. 6259, 3, 4, 6, узнать мнѣ сестру братьевъ, 2 вар. *pazīt bija brāļu māsu*, я долженъ былъ узнать сестру братьевъ. Въ-четвертыхъ Эндзелинъ при своемъ объясненіи обращаетъ слишкомъ мало вниманія на двоякій способъ употребленія разсматриваемой *ja-* и *ju-* формы. Сколько я вижу, то рѣшительно нѣтъ никакой возможности объяснить съ точки зрѣнія Эндзелина существующее въ Саусенѣ и Фетельнѣ различіе между *man paū jābgaūc*, я не долженъ ѣхать, и *man paū jubgaūc*, мнѣ не на чемъ ѣхать, т. е. у меня нѣтъ ни лошади, ни телѣги. Ср. *Kauliņ* ВВ. XIV, 124. Сверхъ того, надо замѣтить, что объ усиленіи выраженія при дебитивѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ неопредѣленное склоненіе безъ приставки *jā-* гораздо сильнѣе высказываетъ повелѣваніе, чѣмъ дебитивъ съ мнимою усилительною приставкою *jā-*, напр. *tev nebūs melēt*, не лги, ты не долженъ лгать, *tev nebūs jāmelēt*, тебѣ не надо будетъ лгать. Поэтому мы должны отклонить толкованіе Эндзелина и отыскать другое, болѣе удовлетворительное объясненіе. Свое объясненіе начнемъ съ двоякаго способа употребленія дебитива.

Въ Саусенѣ и Фетельнѣ употребляется дебитивъ съ приставкою *jā-*, какъ и въ обще-латышскомъ языкѣ, для выраженія долженствованія, напр. *man paū jābgaūc*, я не долженъ ѣхать, форма же съ приставкою *ju-* обозначаетъ средство, при помощи котораго приводится въ исполненіе дѣйствіе, выраженное глаголомъ, или цѣль, которую преслѣдуетъ извѣстное средство: *man*

paù jubraùc, мнѣ не на чемъ ѣхать, т. е. у меня нѣтъ ни лошади, ни телѣги; brālam paù ziŕga juесѣ, у брата нѣтъ лошади, чтобы оборонить, ēnas ūdeni jumazgājās, принеси воды для мытья, raīam kač pavadu ziŕgu jusapin, возьми хоть поводъ, чтобы имъ запутать лошадь. Kauliñ BV. XIV, 124, Bātu muims bijs puļvers jušaūn BV. XIV, 132, если бы у насъ былъ порохъ, чѣмъ стрѣлять. Devu savu kumeliñu gūžu dārzu juесѣ, я далъ своего коня, чтобы оборонить розовый садъ. Bāliñš piŕk(a) tev zelta zēdus arājīñu jupuškū, братецъ купилъ тебѣ золотые цвѣты, чтобы украсить пахаря. Bāliñ, dūd man kumeliñu siñtu jūdžu junūbraùc, братецъ, дай мнѣ коня, чтобы проѣхать съ нимъ сто верстъ. Bielenstein Mag. der lett. lit. Gesellsch. XVII, 103—105. Šlikūns justūs laīmīgs, ja tam būtu ij bārdas nezs juipēskeres¹⁾ BV. XIV, 136, утопающій чувствовалъ бы себя счастливымъ, если бы у него была бы хоть бритва, чтобы ухватиться за нее.

2) Приставкою jā- обозначается мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе, выраженное глаголомъ: Es vediš tev zīda šnūres viñnānītes jukaltē, Mag. XVII, 103, я привезу тебѣ шелковыхъ веревочекъ, чтобы сушить накидки, собственно: на которыхъ сушать/накидки; maù telišu juragan, Mag. XVII, 105, негдѣ телятъ пасты. Naù gūmes juiplēšas, нѣтъ мѣста для возни. BV. XIV, 140. 3) Приставка ju- имѣетъ функцию винительнаго пад. мѣстоименія относительнаго: man paù juēd Mag. XVII, 101 = man paù kū ēst, мнѣ нечего ѣсть, собственно: у меня нѣтъ (того), что ѣдятъ. Man nevaid jāunajai (gredzentiñā), ne uz piŕkstu juuzmaùc (104), у меня, младшей (сестры) нѣтъ (перстня), чтобы надѣтъ, собств. что надѣваютъ на палець. Nebūs tavaì līgaviñai (puķu) vāinadzīñam junūplūs (104), у твоей невесты не будетъ цвѣтовъ, чтобы сорвать для вѣнка.

Форма съ приставкою ju- въ изложенномъ употребленіи встрѣчается не только въ Саусенѣ и Фетельнѣ, но и въ Линдснѣ

1) Въ Саусенѣ и Фетельнѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи, образуется иі изъ и при е и і въ слѣдующемъ слогѣ.

(R. K. XIII, 3) и Эрлаф: Tû (gradzeniū) nedûšu junūmauc (B. V. 6228, 4 Эрлая), его (перстня) я не дамъ снять. Въ большинствѣ мѣстностей вмѣсто приставки ju- въ разсмотрѣнной функціи встрѣчается jâ-. Только что упомянутый стихъ народной пѣсни гласить въ Альтѣ-Пебальгѣ, Прауленѣ, Фридрихсвальдѣ, Мезеланѣ, Зесвегенѣ, Берзонѣ, Одензе, Лоденгофѣ, Лубанѣ: tû (или tà) nedûšu (или nedevu) jânūmauc, въ Лаздонѣ: tû nedûšu jânūvaik B. V. 6228. Devu savu kumelīnu gūžu dārzu jāecē B. V. 3523, 9 въ Петерскапелѣ, Цирстенѣ, въ Марценѣ, такъ и въ Вольмарѣ Ltd 246. Lâi stāv (nāuda) krustmēitai raibu gūvi jānūpreik B. V. 1849 (Либіенѣ), пусть (деньги) хранятся для крестной дочери, чтобы купить пеструю корову. Lâi stāv mana mīksta gūka jādūt tautu dēlīnam, пусть будутъ мои руки холеными, чтобы отдать ихъ суженому. Lâi palēk galūtnīte putnīnēm jāuzmetas, пусть останется верхушка, чтобы было гдѣ птицамъ присѣсть B. V. 2765, 2 (Альтѣ-Пебальгѣ). Kas man deve zelta šķēges mežam galus jālīdzina? B. V. 8515 (Альтѣ-Пебальгѣ, Фестенѣ)? Кто далъ бы мнѣ золотыя ножницы, чтобы сравнять верхушки деревьевъ? Es nedevu nevēnam jābrauc savas kamaniņas B. V. 6544 (Фестенѣ), 9702 (Голдиньгенѣ), я никому не давалъ своихъ саней для ѣзды. Ēs mēitiņa gūvu slaūkt dūs kipīti jāizlaiza B. V. 1172 (Марценѣ), дѣвушка пойдетъ доить коровъ и дать тебѣ молоко изъ ковшика вылизать. Puīss uzkāpa kumelā, jānes savu āugumīnu Ltd 284, B. V. 6585 (Вольмарѣ), парень сѣлъ на коня, чтобы онъ несъ его (фигуру). Labāk savu vāinadzīnu pē akmiņa sadaūzīju, nekā devu jānesā baġgajām māsīcēm Ltd 2858 (Вольмарѣ), лучше я разбила бы свой вѣнокъ о камень, чѣмъ дать его носить строгой золовкѣ; ср. B. V. 10126.

Приведенные примѣры принадлежать почти всѣ волостямъ Венденскаго, Вольмарскаго и Рижскаго уѣздовъ. Изъ этого можно было бы вывести заключеніе, что разсмотрѣнный способъ употребленія ju- и jâ- формы, которыя по своей функціи не заслуживаютъ названіе дебитива, ограничивается Лифляндіей. Но что и Курляндскимъ латышамъ этотъ способъ употребленія jâ- формы

не чуждъ, это видно изъ сочиненій Фюрекера, пастора Курляндскаго, въ которыхъ по указанію А. Березина (Austrums XV, 338) встрѣчается *man jāēd* въ значеніи: у меня есть, что ѣсть, и изъ В. V. 9702. Въ такомъ же значеніи употребляется *jā-* форма въ сочиненіяхъ Глюка и Манцелия: *Tanny Laikā, kad turr dauds Laudis by un teems nhe by ja- āhd*, и имъ нечего было ѣсть *Mark. 8, 1; teem nhe gir nheneeka ja- āhd 8, 2* (Postille II, 123).

Man jāēd въ значеніи настоящаго дебитива «я долженъ ѣсть», т. е. съ обозначеніемъ долженствованія, употребляется вездѣ, и въ Курляндіи, и въ Лифляндіи, и въ Витебской губерніи. Приставка *jā-* имѣетъ *ō* вмѣсто *ā* въ тѣхъ верхнелатышскихъ говорахъ, гдѣ вообще *ā* переходитъ въ *ō*, напр., *jōād*, надо ѣсть (Кропенгофъ), *ōa* же встрѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ вмѣсто книжнаго *ā* является *ōa*, напр. въ Звидзенѣ, и наконецъ *ū* въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ *ū* замѣняетъ книжное *ā*, напр. *jūker*, надо поймать (Летинъ); краткое же *a* въ приставкѣ *ja-* я слышалъ въ Дондангенѣ, Попевѣ и Анценѣ: *jarāuj*, надо косить.

Разсматриваемыя формы приставки *jā-*, *ja-*, *ju-* чрезвычайно сходятся съ діалектическими формами условнаго союза *ja* (если) и союза причины *jū* (ибо) *jū*—*jū* (чѣмъ—тѣмъ). Вмѣсто книжнаго *ja* (если) я слышалъ *jā*, съ долгимъ *a*, въ Тирзенѣ, Гольговскѣ, Альтъ-Пебальгѣ¹⁾, Ней-Сакенгофѣ, Рудаувѣ, Оберъ-Бартаувѣ; такъ же и въ Смилътенѣ по Беценберггеру (*Dial.-Stud.* 43); *ju* же вмѣсто *ja* (если) употребляется въ Ней-Шваненбургѣ, Стомерзе, Летинѣ: *ju nadūsi tās mēitiņas, ta nūmīršu bēdiņas*, если ты не отдашь за меня этой дѣвушки, то я умру съ горя (Ней-

1) Свойство долготы какъ въ окончаніяхъ, такъ и въ односложныхъ словахъ трудно разслышать, по крайней мѣрѣ для моего слуха. Союзъ *jā* (если) съ длительной долготой я нахожу въ своихъ діалектическихъ записяхъ изъ Ней-Сакенгофа, Альтъ-Пебальга, Оберъ-Бартавы; но по любезному письменному сообщенію проф. П. Шмидта союзъ *jā* въ Смилътенѣ имѣетъ нисходящее слогаудареніе, какъ и приставка *jā-* въ дебитивѣ тамъ же, такъ что я теперь сомнѣваюсь въ правильности своихъ записей.

Шваненбургъ); jù¹⁾ вмѣсто и рядомъ съ ja (если) въ Бушгофѣ: jù tu tù nedareīsi, tad boūs slikti, если ты этого не сдѣлаешь, то плохо будетъ. Какъ jù (=jũ) здѣсь смѣшивается съ ja, такъ тамъ же наоборотъ употребляется ja вмѣсто jù = jũ; напр. jù pliks, jù trōks; ja saļ, ja skriņ; чѣмъ бѣднѣй, тѣмъ расточительнѣй, чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ скорѣе бѣжишь; при повтореніи той же пословицы: ja pliks, jù troks, ja saļ, ja skriņ; изъ усть другой старой женщины: ja pliks, jù troks; jù saļ, jù skriņ, такъ же и въ Ней-Шваненбургѣ: ja grouši strādāj, ja gaŗzi ād, чѣмъ больше работаешь, тѣмъ лучше аппетитъ, но тамъ же jù (рядомъ съ jũ) viņam ir, jù (jũ) vairāk viņam vajag, чѣмъ богаче, тѣмъ требовательнѣй, jò (=кв.ж. jà) àtri steīdz, jò oklis dzamst; съ краткимъ и въ Летинѣ: ju àtri steīdz, ju oklis dzamst; но тамъ же: jũ àtri steīdz, jũ oklis dzamst, чѣмъ больше торопишься, тѣмъ меньше проку въ твоей работѣ. Это летинское jũ не слѣдуетъ сопоставлять съ книжнымъ jũ, но съ jā, такъ какъ въ Летинѣ книжному ũ соответствуетъ ū, а ũ книжному ā.

Такое же смѣшеніе союзовъ ja, jā и jũ (jù) и такое же сокращеніе союза jù въ ju наблюдается и въ Витебской губерніи, какъ это видно изъ народныхъ пѣсень, помѣщенныхъ въ сборникѣ Барона и Виссендорфа: 8486, 2 ju вм. jũ, вар. 3 jo вм. jũ. Это сопоставленіе разныхъ діалектическихъ формъ проливаетъ столь яркій свѣтъ на нихъ, что происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ становится совершенно яснымъ. Такъ бушгофская форма jù въ значеніи книжнолатышскаго ja (если) и jù—jù въ значеніи чѣмъ—тѣмъ доказываетъ ясно, что ней-шваненбургскій, стомерзейскій и летинскій условный союзъ ju (если), и летинскіе сравнительные союзы ju—ju (чѣмъ—тѣмъ) сокращены изъ jù. Такъ какъ въ верхнелатышскомъ языкѣ ũ соответствуетъ среднелатышскому и тамскому ū, то jù и ju оказывается такимъ же несомнѣннымъ творительнымъ падежомъ ед. ч. отъ мѣстоименной основы ja-, какъ и среднелатышское jù = лят. jū.

1) Въ Бушгофѣ ũ = книжн. ā

Вопросъ остается только открытымъ, чѣмъ обусловлено такое сокращеніе *jū, jū* въ *ju*. Зубатымъ (Die sogenannten Flickvokale 13) правильно отмѣчено, что частицы и нарѣчія подвергаются больше, чѣмъ другія слова, сокращеніямъ, напр. *ge*, *вотъ*, изъ *gedzi, li*, до, изъ *līdz*, въ *Стенденѣ lidz*, *рес*, послѣ, изъ *rēs* (Каздангенъ), *ре* *вм.* *rē* въ *Липстгузенѣ*, *Кандавѣ*, *Оксельнѣ*; *ка* *вм.* *kā*, *какъ*, въ *Анденѣ*, *Эрваленѣ*, *Падернѣ*; *га* въ *Кандавѣ*, *гу* въ *Ремерсгофѣ*, *гау*, *вотъ*, *вм.* *gaūgi, luk*, *вотъ*, *вм.* *lūkū, lūkā* въ *Лифляндіи*; *веп* *вм.* *vēp* (только) въ *Шеденѣ*, *Стенденѣ*, *Пуненѣ*, *Шлекъ-Стенденѣ*, *Каргаденѣ*; *вин* *вм.* *vēp, vīp* въ *Ней-Шваненбургѣ*, *Летинѣ*, *Звидзенѣ*, *Бушгофѣ*; *ju* *вм.* *jaū*, *уже*, въ *Газавѣ*, *Дондангенѣ*, *Ангермюнде*. Поучителенъ въ отношеніи сокращенія энклитическихъ словъ дат. пад. ед. ч. отъ мѣстоименія *tā*: въ энклитическомъ употребленіи этотъ дат. пад. имѣеть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверозападной Курляндіи *te*, въ значеніи же указательнаго мѣстоименія *tēi (tāi)*, напр. въ *Кандавѣ*: *te mēite*, *дѣвушка*, *dem Mädchen*, но *tēi mēite*, этой *дѣвушка*, *diesem Mädchen*.

Въ сложныхъ обстоятельственныхъ словахъ наблюдается во всѣхъ трехъ латышскихъ говорахъ нерѣдко сокращеніе первой (иногда и второй части) сложнаго слова, по всей вѣроятности по той причинѣ, что части сложнаго слова энклитически присоединяются другъ къ другу; напр. *vinpadsmit*, *одиннадцать*, въ *Тирзенѣ*, *Бушгофѣ*, *dimžēl*, *вм.* *dēmžēl, dēvamžēl*, къ сожалѣнію, въ *Дондангенѣ* L. P. VII, 944, *šudēn* въ *Анденѣ*, *Ангермюнде*, *Попенѣ*, *šudin* изъ *šūdēn, sūdīn* въ *Ней-* и *Альтъ-Шваненбургѣ*, *Летинѣ*, *Звидзенѣ*, *Бушгофѣ*, въ *Рѣжицѣ* (B. V. 13646, 5; 14642, 1); *kumet*, *когда*, изъ *kūmet* = лит. *kūmet*, въ *Руцавѣ*; *Bezenberger Mag. XVIII, 130*, ср. *kūmeš* въ *Саусенѣ* и *Фетельнѣ*, *Kauliū ВВ. XIV, 119*, изъ *kūmet* вслѣдствіе перехода въ категорію нарѣчій на *-i*, какъ *greiži* *вм.* *greizi, geši* *вм.* *reti*. Ср. Изв. Отд. Русск. яз. IX, 3, 261.

Указанныя сокращенія, въ особенности сокращенія *jū, jū* въ *ju*, *šūdēn* въ *šudēn, šudin, kūmet* въ *kumet*, съ одной стороны,

и изложенное синтаксическое употребленіе глагольной формы съ приставкой *ju-*, съ другой стороны, невольно наводитъ насъ на мысль искать въ этой приставкѣ сокращенное *ju-*, т. е. творительный пад. ед. ч. отъ мѣстоименія *jis*. Но сверхъ того *jū*, также какъ *tū*, *šū*, *kū* по формѣ можетъ быть винительнымъ падежомъ ед. ч. муж. и жен. рода. Такъ какъ въ латышскомъ языкѣ мужескій родъ замѣняетъ собою исчезнувшій средній, то намъ на основаніи изложеннаго становится вполне понятными 1) предложенія, въ которыхъ приставка *ju* имѣетъ функцію дополненія, напр. *man (ir) juēd*, у меня есть, что ѣсть, собств. что ѣдятъ, 2) предложенія, въ которыхъ *ju* является въ значеніи творительнаго падежа относительнаго мѣстоименія: *ēnas ūdeni jumaszgājās*, принеси воды для мытья, собств. чѣмъ моются (твор. орудія), *paū gūmes juiplēšas*, негдѣ возиться, собств. нѣтъ мѣста, гдѣ возятся (твор. мѣста)¹⁾. Такъ какъ средство имѣетъ въ виду достиженіе цѣли и намѣренія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что приставка *ju-* служитъ для выраженія цѣли, намѣренія, иногда и слѣдствія, напр. *slikūns justūs laīmīgs, ja tam būtu ij bārdas nezs juipēskeres*, утопающій былъ бы счастливъ, если у него была бы хоть бритва, гдѣ (*ju* твор. мѣста) или чтобы ухватиться за нее. Ср. *Labāk savu vāinadzīnu pē akmiņa sadaūzīju, nekā devu jānesā baġgajām māsīcēm*, гдѣ *jānesā* по значенію подходит къ *lāi nesā*. *Kāzās bij svēsta ar lāpstām jujem*, на свадьбѣ было столько масла, что хотъ загребай его лопатами = *lāi lāpstām jem*.

Предыдущее толкованіе объясняетъ намъ, почему разсматриваемая форма является всегда въ III лицѣ настоящаго времени: *man (ir)²⁾ jubraūc*, *man bija jubraūc*, *man būs jubraūc*, у меня есть, было, будетъ, на чемъ ѣздить, собств. на чемъ ѣздить.

1) Относительно твор. мѣста *ju* изъ *jū* ср. твор. *kū* въ значеніи «гдѣ»: *lāi tā sūka, kū* (вариантъ *kur*) *tā ūka, kū* (вариантъ *kur*) *devīni sivenīni* В. V. 12911, 6, 7; 11251.

2) Третье лицо настоящаго времени глагола *būt*, такъ называемая связка *ir*, какъ вообще, такъ и при *ju* и *ja-* формѣ въ латышскомъ языкѣ обыкновенно опускается. Сравнительно рѣдки такого рода примѣры, какъ: *gulēt ir man jāēt* В. V. 6726.

Еще остается вопросъ, что за формы *ja* и *jā*. Относительно условнаго союза *ja* (если) едва ли можно сомнѣваться, что онъ именительный—винительный пад. ед. ч. средн. рода отъ мѣстоименной основы *ja-* = дринд. *jād*, греч. *ὄ*.

Что *ja* винительный пад. средн. рода, это подтверждается синтаксическимъ употребленіемъ его при причастіи, чередованіемъ его съ винительнымъ *kū*: *Lēs Laīmiņa, ja likdama, lēs man vēnu lēlu mūžu* В. V. 1215 (Тирзенъ), вариантъ: *lēs Laīmiņa, kū likdama* В. V. стр. 879, что бы ты ни опредѣлила Лайма, опредѣли мнѣ продолжительную жизнь. *Dūd, dēviņ, ja dūdams, dūd da labu arājinu* В. V. 9481 (Лубанъ); вариантъ: *dūd, dēviņ, kū dūdams*, что бы ты ни далъ мнѣ, Боже, дай мнѣ только хорошаго пахаря. Ср. В. V. 4692, 8064, 10150. Если въ Дондангенѣ, Попенѣ, Анценѣ приставка *ja* въ дебитивѣ не сокращена изъ *jā-*, то и ее слѣдуетъ признать винительнымъ пад. ед. ч. ср. р. мѣстоименной основы *ja-*.

Что касается условнаго союза *jā* (если), то долготу его никоимъ образомъ нельзя, какъ это дѣлаетъ Беценбергеръ (*Dialekt-Stud.* 68), сопоставить со случаями протяженія подъ вліяніемъ ударенія, какъ напр. *ārukšā* вм. *arukšā*. Условный союзъ *ja* имѣетъ, правда, иногда удареніе въ предложеніи, поэтому можно было бы допустить, что этотъ союзъ обязанъ долготою ударенію. Но сравнительный союзъ *jū—jū* въ латышскомъ языкѣ никогда не имѣетъ ударенія, поэтому ней-шваненбургская форма этого союза *jò* и летинская *jū* (= *jà*) доказываютъ существованіе первоначальной долготы въ союзѣ *jā*. Но что это за форма? Какъ союзъ *ja* есть винительный падежъ ед. ч. средн. рода отъ мѣстоименной основы *ja-*, такъ *jā* [ней-шваненбургскій *jò*, летинскій *jū* (= *jà*)] слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, признать винительнымъ падежомъ мн. ч. средн. рода той же основы; ср. лат. *si quā*, вед. *tā*. Brugmann Grundr. II, 791.

Съ латышскимъ союзомъ *jā* (если) совпадаетъ по нашему мнѣнію литовскій *jóg* (что, потому что, такъ что, *Leskien* I. F. XIV, 104 слѣд.). Беценбергеръ (*Beiträge zur Gesh. d. lit. Spr.*

71 Anm.) и Зубатый (I. F. Anz. XVI, 63) принимаютъ jóg за jûg, т. е. за твор. пад. ед. ч. Но, если не ошибаюсь, то jóg съ рядомъ jûg встрѣчается въ одномъ и томъ же говорѣ. Если же такъ, то для литовскаго языка получается подобное чередованіе союза jóg съ jûg, какъ чередуется въ латышскихъ говорахъ ja (jā) съ jū, jù, ju.

Такимъ же винительнымъ пад. мн. ч. средн. р., какъ союзы jā, jóg, слѣдуетъ на нашъ взглядъ признать и приставку jā- въ дебитивѣ. При такомъ предположеніи становятся вполне понятными и ясными приведенные примѣры, какъ то: man jāēd, у меня есть, что ѣсть, собственно: у меня есть, что ѣдятъ, man bija jāēd, у меня было, что ѣдятъ, man būs jāēd, у меня будетъ, что ѣдятъ.

Рядомъ съ винительнымъ падежомъ мн. числа (jā) употреблялся первоначально, вѣроятно, и винительный пад. ед. ч. среднего рода ja, который, можетъ быть, сохранился еще до сихъ поръ въ дондангенской, попенской, анценской приставкѣ ja¹⁾: vaì tev paù kas, *ja dzer (вм. jādzer)? нѣтъ ли у тебя чегонибудь напиться, собств. чегонибудь, что пьютъ.

На основаніи сказаннаго надо заключить, что приставки ju- и jā (ja) отличались между собою тѣмъ, что первая, какъ творительный пад., служила для выраженія средства, цѣли, напр. man paù jubraùc = man paù, *ju (=jû) braùc, у меня нѣтъ, на чемъ ѣдятъ, вторая же какъ винительный въ значеніи прямого дополненія, напр. man paù jāēd = man paù, *jā ēd, у меня нечего ѣсть, собств. у меня нѣтъ (припасовъ), которые ѣдятъ; vaì tev paù kas jādzer? (Альтъ-Пебальгъ), нѣтъ ли у тебя чегонибудь, что пьютъ? = vaì tev paù kas, *jā dzer? Когда же приставки ju-, jā- (ja-) срослись съ третьимъ лицомъ въ одно слово и забылось ихъ первоначальное значеніе, то былъ проложенъ

1) Приставка jā (jāstrādā) встрѣчается также и въ Виргиналенѣ. См. Эндзелинъ В. В. XXIX, 320; въ Ней-Шваненбургѣ я слышалъ изъ устъ старика jōleikstās.

путь къ смѣшенію и обобщенію той и другой приставки, такъ что начали говорить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *man paù jãbraùc* (вм. *jubraùc*), у меня не на чемъ ѣздить. Остатки этого первоначальнаго различія между приставками *ju-* и *jã-* сохранились еще до сихъ поръ въ Саусенѣ и Фетельнѣ.

Тоже самое, что формою съ приставкою *ju-, jã-* выражается 1) неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр. *devu savu kumeliñu gũžu dârzu piñecêt* В. V. 3523 (вм. *juescē*), 2) неопредѣленнымъ наклоненіемъ съ винит.—творительнымъ падежомъ мѣстоименія *kas: trešñ pãri paturēju, kñ ecēti gũžu laũku* (вм. *gũžu laũku juese*), 3) рѣдко и дательнымъ падежомъ отглагольнаго существительнаго на *-šana: dũšu savu kumeliñu gũžu dârza acēšan* (т. е. *ecešani*) В. V. 3523, 6.

Rũžu dârzu juescē сходится съ *kñ ecēti gũžu laũku*, во-первыхъ, въ томъ, что *kñ* такой же винит.-творительный пад., какъ *ju* изъ *jũ*, во-вторыхъ, что дополненіе въ обоихъ предложеніяхъ ставится въ винительномъ падежѣ, между тѣмъ какъ кажущееся дополненіе при настоящемъ дебитивѣ обыкновенно въ именительномъ: *man gũžu dârzs jāecē*, я долженъ бороться розовый садъ, но расходится въ томъ, что въ предложеніяхъ перваго рода (*juescē*) сказуемое является въ III лицѣ, а въ предложеніяхъ втораго рода (*kñ ecēti*) въ неопредѣленномъ наклоненіи. Въ Альтъ-Пебальгѣ прибавляется *kñ* къ *jã-* формѣ; также и въ этомъ случаѣ ставится сказуемое въ III лицѣ, а не въ неопредѣленномъ наклоненіи: *dũd man rukes, kñ krũeni jãrin* рядомъ съ *dũd man rukes, kñ krũeni pít, dũd man rukes krũeni jãrin*, дай мнѣ цвѣты, чтобы сплести вѣнокъ. Ср. *Stērstu Andrēja Latvēšu valũdas mácība* II, 29.

До сихъ поръ мы разсматривали главнымъ образомъ первый, т. е. тотъ способъ употребленія *ju-, jã-* формы, которымъ обозначается средство, цѣль, слѣдствіе и прямое дополненіе. Теперь обратимся ко второму способу употребленія *jã-* формы, т. е. къ *jã-* формѣ въ функціи настоящаго дебитива.

На первый взглядъ, кажется, существуетъ между первымъ

и вторымъ способомъ столь рѣзкое различіе, будто бы ихъ значенія не имѣютъ ничего общаго. Непонятнымъ кажется на первый взглядъ, какъ соединить двоякій смыслъ того же предложенія, какъ то: *man jāēd*, 1) у меня есть, что ѣсть и 2) я долженъ ѣсть. Однакожь при болѣе глубокомъ размышленіи дѣло становится понятнымъ и яснымъ. Въ дѣйствительности оба способа употребленія соприкасаются такъ близко, что нерѣдко трудно сказать, съ какимъ способомъ употребленія въ извѣстномъ случаѣ имѣешь дѣло, съ первымъ или со вторымъ. Такъ мы видѣли первый способъ употребленія въ слѣдующихъ стихахъ народныхъ пѣсень: *lai stāv (nāuda) krustmēitai raibu gūvi jānpērķ* В. V. 1889, пусть (деньги) хранятся для крестной дочери, чтобы купить пеструю корову; *kas man deve zeļta škēres mežam galus jālīdzina?* кто далъ бы мнѣ золотыя ножницы, чтобы сравнять верхушки лѣса? Но въ вариантахъ этихъ стиховъ мы имѣемъ передъ собою настоящій дебитивъ: *dūdēt man vaŗa škēres; mežam gali jālīdzina*, дайте мнѣ мѣдныя ножницы; (ибо) верхушки лѣса слѣдуетъ сравнять; *lai stāv (nāuda) krustmēitai; grāmatiņa jānpērķ*, пусть хранятся (деньги) для крестной дочери; (ибо для нея) слѣдуетъ купить книжку. Что въ этихъ примѣрахъ имѣемъ дѣло съ настоящимъ дебитивомъ, это явствуетъ изъ именительныхъ падежей *gali, grāmatiņa*.

Nem, bāliņi, līgaviņu, ņem ļaūdēmi vaīcādams; raņems kādu netiklīti, būs ļaūdēmi jārunā В. V. 12145, выбери, братецъ, невѣсту, выбери (ее), спрашивая (совѣта) людей; если выберешь какуюнибудь неряху, то... дальше я затрудняюсь перевести; по ученію латышскихъ грамматикъ мы должны перевести такъ: то люди должны будутъ говорить, т. е. *jāruna* въ смыслѣ настоящаго дебитива; но связь текста рекомендуетъ видѣть въ *jārunā* первый способъ употребленія *jā-* формы «о чемъ говорятъ», — *jāruna* въ смыслѣ *valūdiņas, runāšana* (ср. В. V. 6620 *ne ļaūdēm runāšana, ne kuņģēm tēsāšana*, вариантъ: *ne ļaūdīm jārunā, ne kuņģēm jātēsā*), и такъ: если ты выберешь неряху, то будетъ для людей, о чемъ говорить, т. е. будетъ предметъ сплетень. Но

какъ можетъ *man ir jāgunā* значить 1) у меня есть, о чемъ говорить, у меня есть предметъ разговора, 2) я долженъ говорить? *Vai tev kas jāēd?* 1) есть ли у тебя что поѣсть, т. е. есть ли у тебя пища, 2) долженъ ли ты ѣсть? Однимъ словомъ, какъ одно и то же предложеніе выражаетъ и имѣніе, обладаніе, и долженствованіе?

Изъ предыдущихъ указаній видно, что такія предложенія, какъ: *vai tev kas jāēd?*—состоятъ по своему происхожденію изъ двухъ предложеній, изъ главнаго: *vai tev kas (ir)* — и изъ придаточнаго *jāēd = *jā ēd*, есть ли у тебя что нибудь, что ѣдятъ. Какъ въ другихъ родственныхъ языкахъ, напр. при греч. εἶναι, латинскомъ *esse*, такъ и при латышскомъ *būt* ставится то, что у кого есть, т. е. подлежащее въ именительномъ падежѣ, а тотъ, у кого что есть, въ дательномъ (*dativus possessivus*): *man ir maize jāēd = man ir maize, *jā ēd*, у меня есть хлѣбъ для ѣды, собств. что ѣдятъ. Такимъ образомъ глаголь съ приставкою *jā* — по своему происхожденію представляетъ придаточное опредѣлительное предложеніе въ томъ случаѣ, если въ главномъ предложеніи есть подлежащее; если же въ главномъ предложеніи подлежащаго нѣтъ, то *jā-* форма, т. е. дебитивъ, замѣняетъ собою подлежащее главнаго предложенія: *man ir jāēd = man ir, *jā ēd*, у меня есть, что ѣдятъ, т. е. у меня есть пища. Если смотрѣть такъ на происхожденіе *ju-*, *jā-* формы, то третье лицо въ ней становится вполне понятнымъ, и мы не имѣемъ основательной причины принять *būt* въ дебитивѣ *jābūt* за неопредѣленное наклоненіе, но за такую же форму III лица, какъ *ēt* въ *jāēt*: ср. лат. *fit*, лит. *biti*, лат. причастіе настоящ. вр. *būtūts* Biel. II, 168. Релативъ, который образуется отъ дебитива, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго происхожденія, какъ это правильно уже отмѣтили Стерсте (*Latvēšu valūdas mācība* II, 29) и Эндзелинь, напр. *viņam jāēdūt*, говорятъ, что онъ долженъ ѣсть, вм. *viņam esūt jāēd*, и по Эндзелину (R. K. XIII, 2) даже: *viņam esūt, viņam būsūt jāēdūt*. Этотъ релативъ *jāēdūt* возникъ, безъ сомнѣнія, въ силу аттракціи релатива *esūt*.

Настоящій дебитивъ мы встрѣчаемъ лишь въ томъ случаѣ, если въ главномъ предложеніи или находится, или (въ настоящемъ времени) подразумѣвается III лицо глагола *būt*: *man jāēd* 1) у меня есть пища, 2) я долженъ ѣсть; но *dūd man maizi jāēd*, значитъ только: дай мнѣ хлѣба, чтобы ѣсть. Изъ того слѣдуетъ, что долженствованіе выражается не *jā-* формою, но глаголомъ *būt* съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ падежѣ.

Глаголь *būt* съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ падежѣ выражаетъ имѣніе, обладаніе. Но что глаголы, обозначающіе имѣніе, обладаніе, въ связи съ текстомъ принимаютъ значеніе долженствованія, это нерѣдкое явленіе въ языкѣ, напр. *nekavē man!* *man lēla steigšanās*, не задерживай меня, я долженъ спѣшить: собственно: у меня большая поспѣшность; нѣм. *ich habe Eile* = *ich habe zu eilen*; въ русскомъ языкѣ: вашъ ходъ, за вами ходъ = вы должны ходить, въ литовскомъ языкѣ: *mēs tū gim dirbti*, мы должны работать, ср. *neturėjo ką valgyti*, у него не было что ѣсть; такой же двойкій смыслъ въ нѣмецкомъ языкѣ при *haben*: *er hat nichts zu bezahlen* 1) у него нѣтъ долговъ, 2) онъ не можетъ заплатить (свои долги); въ русскомъ тутъ нечего дѣлать = 1) тутъ нѣтъ никакой работы, 2) тутъ ничего нельзя дѣлать; въ греч. языкѣ *ἔχειν* обозначаетъ не только имѣть, но и мочь: *οὐκ ἔχω εἰπεῖν*, я не могу (собств. не имѣю) сказать; сравн. латинск. *nihil habeo, quid scribam*, мнѣ нечего писать.

Переходъ значенія обладанія, владѣнія въ значеніе возможности и долженствованія совершается, на нашъ взглядъ, слѣдующимъ образомъ: въ предложеніяхъ *man jāguūā, ich habe zu sagen, ἔχω εἰπεῖν*, я имѣю сказать, высказывается лишь то, что подлежащее располагаетъ извѣстнымъ предметомъ, о чемъ говорить; но располагающій предметомъ разговора въ состояніи говорить объ этомъ предметѣ, поэтому *ἔχω εἰπεῖν*, я имѣю сказать, я могу сказать; съ другой же стороны, распоряженіе предметомъ разговора можетъ представляться побужденіемъ, принужденіемъ къ разговору, поэтому *ich habe die Wahrheit zu sagen, meum est vera dicere* = я долженъ сказать правду. Такое же двойкое

значеніе имѣнія и долженствованія имѣеть латышскій глаголь *bût* 1) съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ: 1) *juîms bûs êst, juîms bûs dzeît, man bûs jâuns aġâjiîns* B. V. 10200, 4, у васъ будетъ, что ѣсть, у васъ будетъ, что пить, у меня будетъ молодой пахарь; 2) *juîms bûs êst, juîms bûs dzeît*, вы должны ѣсть, вы должны пить; въ прошедшемъ времени: *man bij êst, man bij dzeît*, 1) у меня было, что ѣсть, у меня было, что пить, 2) я долженъ былъ ѣсть, я долженъ былъ пить. Такъ и слѣдующіе стихи: *bûs vaîdem saûsas reînges par vasaru lupinât* B. V. 13067 могутъ значить: должны ли лягушки лѣтомъ обгрызать копченыхъ салакушекъ (ср. *Bûs man vêna rēksta dēl līdz zemītei lagzdu lēkt* B. V. 14706, 2), но связь съ текстомъ не допускаетъ такого перевода, а требуетъ принять *bûs* въ первоначальномъ значеніи «быть»: у лягушекъ будутъ на лѣто копченыя салакушки для ѣды. Такое же двойное значеніе имѣеть глаголь *bût* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и съ винит.-творительнымъ падежомъ мѣстоименія *kas*: *man tur (ir) kû êt*, 1) для меня тамъ довольно большое разстояніе 2) мнѣ туда ходить; ср. *man kû êt tautiîns* B. V. 6100, вар. *man jâēti tautiîns*. Также: *man tur naû kû êt* 1) для меня это рукой подать, для меня это незначительное разстояніе, 2) мнѣ не надо туда ходить, мнѣ нечего туда ходить.

Подобный переходъ значенія наблюдается въ латышскомъ языкѣ при причастіи настоящаго времени страдательнаго залога на -ама-: *Dzēd mēitiîna nevedama* B. V. 446, стр. 832, поетъ дѣвушка, оставаясь безъ жениха, собств. неуводимая женихомъ, *sēns vedams*, сѣно можетъ быть увозимо домой или сѣно должно быть увозимо домой; также и русское причастіе настоящаго времени страдательнаго залога, напр. примѣнимо, обозначаетъ и то, что примѣняется, и то, что можно примѣнить, и то, что слѣдуетъ примѣнить.

И такъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что глаголы, обозначающіе имѣніе, не въ одномъ только языкѣ принимаютъ значеніе возможности и долженствованія, ср. Meringer I. F. XVIII, 236. То, что можно или слѣдуетъ сдѣлать, или чему слѣ-

дуетъ совершиться, выражается 1) неопредѣленнымъ наклоненіемъ, $\xi\chi\omega \epsilon\iota\pi\epsilon\acute{\iota}\nu$, meum est dicere, turiù sakýti, ich habe zu sagen, имѣю сказать, 2) отглагольнымъ именемъ существительнымъ: ich habe Eile, man steigšanâs, вашъ ходъ, 3) цѣлымъ предложениемъ: man (ir) jāsaka = man ir, *jā saka; ср. nihil habeo, quid или quod dicam, $\omicron\upsilon\chi \xi\chi\omega, \tau\acute{\iota} \epsilon\acute{\iota}\pi\omega$.

Именительный падежъ при дебитивѣ оказывается по нашему толкованію подлежащимъ главнаго предложенія: man ir maize jāēd = man ir maize, *jā ed, у меня есть хлѣбъ, что ѣдятъ¹⁾. Въ силу аттракціи этого падежа подлежащаго ставится въ кандавскомъ, жукетскомъ и митавскомъ говорахъ даже прямое дополненіе неопредѣленнаго наклоненія, зависящаго отъ дебитива, въ именительномъ падежѣ: man jāsteidzās rudzi (вм. rudzus) pļāūt, я долженъ спѣшить скосить хлѣбъ. См. мои Daži jāūtājumi III, 69. Винительный падежъ, который иногда встрѣчается при дебитивѣ вмѣсто именительнаго падежа (Austrums VIII, 1, 296) безъ сомнѣнія позднѣйшаго происхожденія: man maizi jāēd вм. man maize jāēd; man tevi tik jālēk pē daība вм. man tu esi jālēk pē daība, я долженъ поставить тебя къ работѣ (Альтъ-Пебальгъ).

Путь развитія намъ представляется слѣдующимъ: сперва установилось словорасположеніе, по которому за мѣстоименіемъ jā непосредственно слѣдовалъ глаголь; слѣдствиемъ же такого словорасположенія было тѣсное сращеніе мѣстоименія съ глаголомъ и соединеніе ихъ подъ однимъ акцентомъ. Въ этой стадіи развитія мѣстоименіе jā съ глаголомъ въ третьемъ лицѣ говорящимъ уже болѣе не представлялось предложениемъ, но глагольною формою съ приставкою jā-. Такимъ путемъ два предложенія man ir maize, *jā (или можетъ быть ja) ēd, у меня есть хлѣбъ, что

1) Правильность этого толкованія доказывается тѣмъ, что въ подобныхъ предложеніяхъ при отрицаніи является родительный пад. вмѣсто именительнаго. Alutiņ, bāluliņ, kŭ tu man padarīji? Ne man kāju jāstaiga, ne valīdas jāgunā В. V. 19522 (Зесвегенъ и Лаадонъ), пиво, братецъ, что ты со мною сдѣлало? У меня нѣтъ ни ногъ, чтобы ходить, собств. чѣмъ ходить, ни языка, чтобы говорить.

ѣдятъ, слились въ одно *man maize jāēd*, сказуемымъ котораго сдѣлалась глагольная форма съ приставкою *jā-*. При такихъ условіяхъ именительный падежъ, подлежащее первоначальнаго глагола предложенаго (*man (ir) maize*) сталъ непонятнымъ и легко могъ подпасть подъ управленіе глагола съ приставкою *jā-*, т. е. подъ управленіе дебитива: *man maize jāēd* точно такъ, какъ *ēdu maizi*; *tikrat dēla māmiñai mēitas mātes jāpēlūdž*, всетаки мать сына должна просить мать дочери, точно такъ, какъ: *pēlūdžu mātes* (род. пад.).

Эта моя статья, заявленная какъ рефератъ на съѣздѣ филологовъ, уже давно написана. Такъ какъ нельзя пока предвидѣть, когда съѣздъ состоится, а кромѣ того мой рефератъ при извѣстномъ ограниченіи времени не можетъ быть прочитанъ весь, то я рѣшилъ его теперь же напечатать.

Между тѣмъ появились замѣтки Прельвица (ВВ. XXVIII, 319) и письмо Эндзелина Прельвицу (ВВ. XXIX, 320) по данному вопросу, которыя я долженъ теперь принять въ соображеніе.

Послѣ послѣдовавшаго указанія Прельвица (ВВ. XXVIII, 319), что въ приставкѣ дебитива *ju-*, *jā-* надо искать мѣстоименную основу *ja-*, Эндзелинъ (ВВ. XXIX, 320) объясняетъ, отказываясь отъ своего прежняго толкованія, приставку *ju-*, какъ и мы, творительнымъ падежомъ, сокращеннымъ изъ *jũ-*, какъ *du* изъ *dũ*, *ni* изъ *nũ*, *duč* изъ *dũd-šur*, приставку же *jā-* родительнымъ падежомъ (первоначально родительнымъ раздѣлительнымъ и при отрицаніи). Въ пользу родительнаго падежа говоритъ нисходящее слогаудареніе тѣхъ говоровъ, въ которыхъ сохранилась тройкая долгота: *jā-prasa*, какъ род. п. *tà*, *šà*, *ši*, *kà*.

Я основывалъ свое объясненіе приставки *jā-* на тѣхъ говорахъ, въ которыхъ приставка *jā-* имѣетъ длительное удареніе и на литовскомъ *jóg*; ср. *jóg* съ мн. ч. ср. р. *keteró-*, *penkió-* въ *keterólika*, *penkiólika* (I. Schmidt D. Pluralbild. d. ind. Neutra 38)

и лит. им. ед. ч. женск. р. *gegó jì* съ лат. *tā*. Если не сопоставить приставку *jā-* съ литовскимъ *jó-g*, то латышскую приставку *jā-*, несмотря на ея длительное слогуудареніе можно объяснить родительнымъ падежомъ, такъ какъ нисходящему слогуударенію лифляндскихъ говоровъ часто соотвѣтствуетъ въ Курляндіи длительное; напр. род. *tā, šā* вм. *tà, šà*, вин. *tū, šū* вм. *tû, šû*.

Что касается тѣхъ говоровъ, въ которыхъ встрѣчается приставка *jā-* съ прерывистымъ слогуудареніемъ (около Митава, Доблена, Кандавы), то ее нельзя принять ни за именит.-винительный пад. мн. ч. ср. р., потому что, какъ мы уже видѣли, въ такомъ случаѣ было бы длительное слогуудареніе, ни за родительный пад. ед. ч., такъ какъ около Доблена, Митава, Кандавы родительный пад. *tā, šā* имѣетъ длительное слогуудареніе. Не остается ничего другого, какъ принять приставку *jā-* съ прерывистымъ слогуудареніемъ за мѣстный пад. ед. ч. Исходя изъ такихъ примѣровъ, въ которыхъ первоначально употреблялся только мѣстный пад., какъ напр. *lāi stāvēja virsunīte putniņēm jauzmetas* В. V. 2765, 2, пусть останется верхушка, чтобы было гдѣ присѣсть птицамъ, собств. на которую садятся птицы,—этотъ въ послѣдствіи болѣе не понятый мѣстный пад. *jā* путемъ обобщенія принялъ на себя въ упомянутыхъ мѣстностяхъ функцію всѣхъ другихъ падежей.

Такимъ образомъ приставка *jā-* представляетъ, вѣроятно, собою разные падежи. Ср. сверхъ того приставки *ju-*, *jā*.

Прельвицъ (ВВ. XXVIII, 319) признаетъ воиолнѣ удачнымъ толкованіе Эндзеліна, по которому въ глагольной формѣ дебитива скрывается неопредѣленное наклоненіе, но (ВВ. XXIX, 320) онъ допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность видѣть въ этой формѣ третье лицо ед. ч. Вотъ что онъ пишетъ: *Aber in anderen fällen könnte die dritte person sing. ind. doch vielleicht zunächst den conjunctiv ersetzen: devu savu kumelinu rīžu dārzu juecē könnte lat. mit dedi equum meum, rosarum hortum ut occet (evertat), im grich. mit ως und dem conj. ausgedrückt werden. Es lässt sich also die frage aufwerfen, ob der*

abl.-gen. *jâ*, der dem griech. ablativ $\omega\varsigma$ ganz entsprechen würde, nicht auch zunächst mit dem conjunctiv und dann nach dessen verlust mit dem indicativ verbunden sein könnte.

Латышское изъявительное наклонение въ самомъ дѣлѣ нерѣдко является въ функции сослагательнаго или желательнаго наклоненія, напр. *Dēvs mēlī vīna dvēseli*, пусть Богъ усладить (угостить) его душу, *Dēvs dūd*, пусть Богъ дастъ, въ особенности такъ употребляется перфективное *praesens*, которое по предположенію Ульянова (Значенія глагольныхъ основъ 315) есть *injunctivus* аористическихъ основъ. Но по нашему толкованію въ большинствѣ случаевъ дебитивъ оказывается третьимъ лицомъ изъявительнаго наклоненія, напр. *man paū jubgaūs, mñē* не на чемъ ѣхать, собств. у меня нѣтъ, на чемъ ѣздить; *man ir jāēd = 1) ich habe zu essen*, у меня есть, что ѣсть, собств. у меня есть, что ѣдать, т. е. у меня есть ѣда, пища, 2) *ich habe zu essen, mñē ѣсть*, т. е. мнѣ приходится (совершить) дѣйствіе ѣды. Въ обоихъ случаяхъ *jāēd* описательно выражаетъ то же, что отглагольное имя существительное *ēšana*, ѣда. Въ первомъ способѣ употребленія дебитивъ *jāēd* замѣняетъ собою отглагольное имя существительное въ конкретномъ смыслѣ: *man jāēd = man ēšana*, у меня ѣда, пища, *ich habe zu essen*, во второмъ же отглагольное имя существительное, обозначающее дѣйствіе: *man jāēd = man ēšana, ich habe zu essen, mñē* приходится (совершить) дѣйствіе ѣды, т. е. я долженъ ѣсть; такъ и *man jāsteidzas = man steigšanâs, ich habe Eile*, собств. у меня есть, что спѣшить, т. е. я долженъ спѣшить; ср. мой ходъ.

Такъ и въ примѣрѣ, приведенномъ Прельвицомъ: *devu savu kumeliņu rūžu dārzu juecē* употребляется изъявительное наклонение, если приставку *ju-* замѣнить союзомъ *lai*: *devu savu kumeliņu, lai ešē rūžu dārzu*. Точно такъ же: *Puīss uzkāpa kumelā jānes savu āugumīnu, = lai nes (nestu) savu āugumīnu. Kāzâs bij svēsta ar lāpstām jujem = ar lāpstām lai jem.*

К. Мюленбахъ.